

Социально-культурная инфраструктура индустриальных поселков Владимирской и Костромской губерний

Кирилл Балдин

В конце XIX века в условиях завершавшегося промышленного переворота в России сложились три основных типа промышленных поселений. Первый тип – индустриальный город, к нему относились такие мегаполисы, как Петербург и Москва, а также города меньших размеров – Нижний Новгород, Харьков, Лодзь, Ярославль, Иваново-Вознесенск и другие. Второй тип – фабрично-заводской поселок. Это были негородские поселения, в которых в ходе бурного развития промышленности в стране возникли крупные предприятия. Третий тип – кустарное село, во Владимирской губернии к нему относились, например, Палех, Холуй и Мстера, где было издавна развито иконописное производство, или же подмосковное село Кимры, известное производством кожаной обуви.

Индустриальный город как тип поселения хорошо изучен в работах отечественных и зарубежных ученых по истории промышленности в России эпохи модернизации во второй половине XIX – начале XX века, а также в трудах о повседневной жизни в городах имперской России, написанных в последние два-три десятилетия. Кустарные села тоже изучались в работах, посвященных мелкотоварному крестьянскому производству.

Совсем иначе обстоят дела с изучением феномена фабрично-заводских поселков как типа промышленных поселений: по этой теме пока нет серьезных обобщающих исследований, и это обуславливает ее научную актуальность. В конце XX века О. Ю. Таланова опубликовала в региональных изданиях ряд статей по этой теме, но в них она обсуждала проблему без углубления в подробности или же анализировала только

Балдин Кирилл Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор Ивановского государственного университета; Российская Федерация, 153025, Ивановская область, Иваново, ул.Тимирязева, д.5.
E-mail: kebaldin@mail.ru

В статье исследуется развитие фабричных поселков во Владимирской и Костромской губерниях, в ходе которого они постепенно трансформировались из патриархальных сел в города. По численности эти поселки – Родники, Кохма, Бонячки, Серета, Южа и др. – превосходили некоторые города исследуемого региона, а вся экономическая жизнь в них была сосредоточена вокруг крупного промышленного предприятия – текстильной фабрики. Владельцы этих предприятий занимались не только предпринимательской деятельностью. Большинство из них в той или иной степени понимали свою ответственность за условия труда и быта рабочих и служащих, поэтому тратили значительные средства на развитие социально-культурной инфраструктуры. Здесь строились жилые помещения для рабочих и служащих, больницы, дома престарелых, учебные заведения, различные досуговые учреждения. В конце XIX – начале XX века бывшие села превратились фактически в города, которые вскоре после революции 1917 года уже официально получили статус городов. Автор доказывает, что в исследуемый период в фабричных поселках имелись многие учреждения и службы, которые в то время являлись неотъемлемыми атрибутами городских поселений. Он останавливается также на мотивации предпринимателей, которые занимались социально-культурной деятельностью в этих поселках, и приходит к выводу, что ими руководили, с одной стороны, соображения патернализма, то есть заботы «старших» о «младших», а с другой – разумный эгоизм, так как здоровый, трезвый, грамотный и отдохнувший после трудовой смены пролетарий более полезен для фабрики, чем больной, усталый и озлобленный.

Ключевые слова: фабричные поселки; российские предприниматели; российский пролетариат; бытовые условия жизни рабочих; формы проведения досуга в дореволюционной России; социальная политика буржуазии; мотивация социальной деятельности

Цитирование: Балдин К. Е. (2021) Социально-культурная инфраструктура индустриальных поселков Владимирской и Костромской губерний // Городские исследования и практики. Т. 6. № 1. С. 23–36. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp61202123-36>

отдельные ее сюжеты [Таланова, 1997; Таланова, 1998]. За последние два десятилетия в отечественной и, в частности, региональной историографии практически не было публикаций по этой проблематике.

Практическая актуальность темы обусловлена тем, что моногорода, выросшие вокруг текстильных предприятий в Центральном федеральном округе и других регионах, сегодня испытывают очень серьезные проблемы. Изучение опыта промышленного и социально-культурного развития этих городов более 100 лет назад, когда они были фабричными поселками, может подсказать возможные пути выхода из их нынешнего системного кризиса. Разумеется, использование этого опыта будет носить не непосредственный, а опосредованный характер, так как с тех пор прошло много времени. Новизна нашего исследования состоит в том, что оно носит комплексный характер и опирается не только на исторические, но и на социологические инструменты. Кроме того, используются новые источники, до сих пор не вводившиеся в научный оборот.

Цель состоит в том, чтобы выяснить социально-культурное своеобразие фабричных поселков как новых для того времени поселений. Это будет проделано на примере целого ряда населенных пунктов Владимирской и Костромской губерний.

Для достижения цели потребуются решить следующие исследовательские задачи: выяснить роль предпринимателей в формировании фабричных поселков и организации быта рабочих, проанализировать формирование образовательного пространства и внедрение новых форм досуга в среде рабочих и служащих этих поселений, а также выявить мотивы социально-культурной деятельности промышленников.

Основные источники исследования относятся к так называемой хозяйской литературе – издания, опубликованные до революции (в основном в начале XX века), как правило, к юбилеям тех или иных предприятий [Культурно-просветительная деятельность..., 1913; Пашков, 1911; Товарищество мануфактур..., 1912; Товарищество мануфактур..., 1913]. Это были заказные книги, написание и издание которых финансировали владельцы фабрик. Они носили рекламный характер и одновременно содержали много полезной информации как о производстве продукции, торговле ею, так и о социально-культурной деятельности фабрикантов, которые организовывали

для своих рабочих приемлемые по тому времени условия быта, предоставляли возможности для образования и проведения досуга. Поэтому мы рассматриваем хозяйские издания как источник, а не как раздел историографии. Следует указать, что явных искажений действительности в этих публикациях нами не было замечено, но определенное приукрашивание действительности все же присутствует. Эти издания выглядят значительно менее ангажированными, чем издававшиеся в советское время книги из рубрики «История фабрик и заводов». Также фактические данные извлекались автором из опубликованной нормативной и делопроизводственной документации фабричных кооперативов (уставы и отчеты), которые использовались предпринимателями для снабжения населения фабричных поселков товарами повседневного спроса. Кроме того, автор привлек статистические данные из справочных изданий, в частности из ставшего почти классическим для историков промышленности объемистого справочника Л. К. Езиоранского о фабрично-заводских предприятиях России [Езиоранский, 1914].

Гипотеза данного исследования состоит в том, что дореволюционные фабричные поселки как тип поселения не официально, а фактически представляли собой города. Впоследствии в первые годы советской власти почти все они повысили свой административный статус, наиболее крупные превратились в города, не столь значительные – в поселки городского типа.

Начав с краткого обзора хозяйственной структуры фабричных поселков, мы перейдем к изучению социальных учреждений, созданных фабрикантами для улучшения быта рабочих и служащих (жилье, потребительские общества, больницы, богадельни), а затем проанализируем работу просветительной и досуговой сферы этих поселений, также сформировавшейся при материальном и организационном участии фабрикантов.

Фабрично-заводские поселки представляли собой явление отнюдь не редкое для России. Одним из регионов, где они получили широкое распространение, был Урал. Здесь часто встречались горнозаводские поселения, в каждом из которых обычно располагался металлургический завод. К ним относились Нижний Тагил, Надеждинск, Верхняя Салда, Нижняя Салда и прочие. Другой район, в котором находились такие поселки, – Донбасс и Приднепровье. Здесь они возникли на базе

металлургических предприятий или угольных шахт. Типичный пример – село Каменское, в советское время превратившееся в город Днепродзержинск. Третий район – Правобережная Украина (Киевская, Подольская и Волынская губернии), где фабричные поселки сформировались вокруг сахарных предприятий. Это такие поселения, как местечки Бершад, Ялтушков, Погребище и др., в которых находились крупные предприятия этой отрасли. Наконец, четвертым и самым обширным регионом размещения фабрично-заводских поселков стал во второй половине XIX века Центральный промышленный район. Он охватывал Московскую губернию и несколько соседних с ней губерний – Владимирскую, Костромскую, Ярославскую, Тверскую и др. Большинство поселений здесь были обязаны своим появлением крупным текстильным предприятиям.

Наибольшее распространение этот тип населенного пункта получил в регионе, который во второй половине XIX века начали называть Иваново-Вознесенским промышленным районом. Он охватывал южные индустриальные уезды Костромской губернии (Кинешемский, Юрьеvecкий, Нерехтский) и северные промышленные уезды Владимирской губернии (Шуйский, Ковровский, Вязниковский). Мы сосредоточим внимание на фабричных поселках именно этого региона. Большая часть приводимых ниже материалов относится к Юже Вязниковского уезда Владимирской губернии и Бонячкам Кинешемского уезда Костромской губернии, в которых функционировали очень крупные текстильные фабрики, принадлежавшие соответственно Балиным и Коноваловым. Кроме того, в исследовании использован материал по поселкам Кохма, Родники, Наволоки, Серета, Писцово и др.

В то время эти поселения по своему административному статусу являлись селами. Именно такой официальный статус имели Южа, Тейково, Родники, Серета, Наволоки, Кохма, Яковлевское, Лежнево, Писцово, Дуляпино и другие населенные пункты текстильного края. Между тем по численности населения они существенно превосходили некоторые города. В частности, такие старинные города исследуемого региона, как Лух и Плес, были значительно меньше этих фабричных поселков, в каждом из которых проживало до 10 тыс. человек. По данным Всероссийской переписи населения 1897 года, в Лухе насчитывалось всего 1937 человек, в Плесе – 2163 человека. Даже в Юрьевце, уезд-

ном центре Костромской губернии, проживало 4778 человек [Россия..., 1991, с. 122, 124, 128].

Обычно вся деловая, социальная и культурная жизнь фабричного поселка вращалась вокруг одного крупного текстильного предприятия. В Юже это была фабрика «Товарищества мануфактур А. Я. Балина», в Бонячках – «Товарищества мануфактур И. Коновалова с сыном», в Тейкове – «Товарищества мануфактур А. Каретниковой с сыном», в Родниках – «Товарищества мануфактур А. Красильщиковой с сыновьями», в Наволоках – «Товарищества Волжской мануфактуры П. Миндовского и И. Бакакина». Особенностью предприятий, которые располагались в фабричных поселках Иваново-Вознесенского промышленного района, было то, что в соответствии с фабричной статистикой того времени они относились к категории «крупнейших», то есть на каждом из них работало по несколько тысяч рабочих. Если взглянуть на список предприятий текстильного края, то первые строки в них по числу рабочих занимали не городские фабрики в Иваново-Вознесенске, Кинешме или Шуе, а заведения, располагавшиеся в фабричных поселках, – фабрика Красильщиковых в Родниках (8200 чел.), Коноваловых в Бонячках (6175 чел.), Балиных в Юже (5300 чел.) [Езиоранский, 1914].

Предприниматели создавали фабрики в сельской местности, чтобы они были как можно ближе к главному источнику рабочей силы в стране, постепенно бедневшему крестьянству. Небольшие земельные наделы не могли прокормить сельских жителей, поэтому они искали и находили другие источники дохода, например, в формате отхожих промыслов. По этому поводу В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» высказал суждение, которое активно цитировали советские историки: «Мужика не пускают на фабрику – фабрика идет к мужику» [Ленин, 1971, с. 94].

Основание текстильных предприятий в сельской местности объяснялось также тем, что предприниматели получали возможность платить работникам более низкую, чем в городах, заработную плату. Большинство таких полурабочих-полукрестьян имели здесь свои полевые наделы и огороды, жалование на фабрике было не единственным источником их существования. Эти «рабочие с земельным наделом» были менее грамотны, менее требовательны к условиям труда и быта и менее склонны к трудовым конфликтам, чем городские рабочие. Отрыв фабричного

работника от земли в фабричных поселках, конечно, происходил, но шел гораздо медленнее, чем в городе.

В типичном промышленном поселке рядом с «поселкообразующим» предприятием обычно существовала развитая инфраструктура, которая обслуживала нужды фабрики. Например, вокруг Южи фабрикантам Балиным принадлежали значительные участки леса, которые они скупили у разорившихся помещиков. Они служили источником топлива для фабрики и населения поселка, которое год от года росло. Фабриканты Каретниковы недалеко от своих предприятий в Тейково занялись разработкой торфа: по данным за 1913 год ими было добыто 9 тыс. куб. сажень этого топлива. Также торф добывали для своих фабрик Горбуновы в Середе (7285 куб. сажень в том же году) и Балины в Юже (3500 куб. сажень) [Езиоранский, 1914]. Торф применялся на местных текстильных предприятиях одновременно с углем и мазутом. Кроме торфяных разработок вокруг сельских фабрик находились и другие элементы производственной инфраструктуры – небольшие кирпичные, химические и газовые заводи, лесопилки и т. п. Они значительно сокращали расходы предпринимателей на приобретение и транспортировку материалов, необходимых для головного предприятия – текстильной фабрики.

Устраивая свои предприятия в сельской местности, фабриканты испытывали определенные трудности со сбытом продукции, поскольку ближайшие железнодорожные станции иногда были далеко и к ним не были проложены удовлетворительные по качеству грунтовые дороги. Поселкам Бонячки, Тезино, Середя, Тейково повезло – они оказались рядом с железной дорогой, а Горки, Дуляпино, Южа – в стороне от рельсового пути. Именно поэтому Балины построили на Клязьме пристань неподалеку от Южи и проложили к ней узкоколейную железную дорогу. По Клязьме и Тезе курсировали несколько пароходов, принадлежавших Товариществу мануфактур А. Я. Балина. Фабрика Товарищества И. Коновалова в Бонячках находилась в 2,5 верстах от станции железной дороги. Чтобы разгрузить и нагрывать тяжести непосредственно в фабричном дворе, к нему был проложен рельсовый путь с широкой колеей. За год по этому подъездному пути перевозили до 2 млн пудов различных грузов [Товарищество мануфактур..., 1912, с. 60]. Гораздо меньше, чем фабрике Коновалова, повезло предприятию Красильщи-

ковых в Родниках. При строительстве железной дороги от Иваново-Вознесенска до Кинешмы в 1871 году рельсы были проложены более чем в 10 верстах от этого предприятия. Только через четверть века, в 1897 году, удалось проложить «чугунку» от фабрики до ближайшей станции Горкино. До этого приходилось доставлять грузы гужевым способом, затрачивая на содержание обозов значительные средства [Софронов, 2012, с. 112].

Текстильное производство, в особенности отделочное, нуждалось в больших объемах воды. Если рядом с предприятием не было достаточно большой реки, то приходилось создавать водоем. Например, в Юже на небольшой речке, протекавшей через село, была построена плотина, в результате чего образовалось искусственное озеро Вазаль. Таким же путем обеспечивали себя водой фабриканты на других сельских предприятиях края. Рукотворное озеро стало неотъемлемой частью промышленного пейзажа в Родниках – здесь потребовалось запрудить небольшую речку Юкшу. Рядом с фабрикой Коноваловых в Бонячках также появился большой пруд, в котором живописно отражался главный корпус фабрики. Для рабочих и служащих рукотворные озера были полезны тем, что здесь они могли ловить рыбу, их жены – полоскать белье, а дети – купаться.

Жизнь фабричного поселка, разумеется, не ограничивалась только промышленной деятельностью. Социально-культурная повседневность в таких поселениях отличалась как от городской, так и от сельской. Она представляет большой интерес для исследователей, причем не только историков, но и представителей социологии, культурологии, исторической демографии и других дисциплин. Фабриканты вынуждены были заботиться об обеспечении местного населения социальными и просветительскими учреждениями, организовывали для них то, что в дореволюционный период называлось разумным досугом.

Приходя из своей отдаленной деревни на фабрику, крестьяне сразу сталкивались с проблемой жилья. В промышленных городах и поселках было два основных типа жилья для пришлых работников. Первый из них – так называемые «вольные квартиры». Большинство жителей того или иного фабричного поселка пускали к себе квартирантов, которые в среднем за 1 руб. в месяц снимали «угол», то есть пространство пола площадью около 2 кв. метров.

Обычно в избу набивалось по десятку и более жильцов, и санитарная обстановка здесь была удручающей. Вдобавок жилплощади «вольных квартир» не хватало для постоянно притекавшей из деревни новой рабочей силы.

Второй тип жилья для пришлых работников – хозяйское, на котором мы остановимся подробнее. Крупные фабриканты имели материальную возможность построить для своих рабочих так называемые казармы, то есть общежития. Холостые рабочие жили здесь в больших помещениях, а для семейных рабочих предназначались так называемые каморки, то есть небольшие комнатки в общежитиях, рассчитанные на размещение одной или двух семей. В Юже в конце XIX – начале XX века на средства «Товарищества мануфактур А. Я. Балина» одно за другим строились общежития, в которых помимо жилых комнат были общие кухни, где можно было приготовить пищу. Были предусмотрены и другие бытовые удобства, например подвалы, в которых рабочие могли хранить свои запасы на зиму. Эти жилые помещения отапливались по-разному – печами или же с помощью паровых котлов. В подвалах некоторых казарм стояли калориферы, которые нагревали воздух, циркулировавший по специально устроенным кирпичным каналам внутри здания. В современной Юже сохранились здания дореволюционных казарм, в реконструированном виде они до сих пор используются как жилье [Пашков, 1911, с. 55–57].

Необычным видом жилья казарменного типа для рабочих в Юже стала женская артель примерно на 150 человек, которая начала работать в 1908 году. Ее создали для того, чтобы отделить совсем юных девушек, пришедших из деревень, от проживавших в общих казармах «посторонних лиц», которые не могли научить их ничему хорошему. В отдельном здании этой артели имелось 14 спален по несколько кроватей в каждой. Хозяйева фабрики предоставили в распоряжение артельщиц столы, стулья, гардеробы, буфеты для хранения провизии, умывальники, лампы и прочие хозяйственные мелочи. Вместе с ними жила надзирательница, которая следила за порядком и поведением деревенских девушек, она же учила их шитью, вышивке и строчке, а также грамоте, для чего в артели была собрана небольшая библиотечка учебной литературы [Пашков, 1911, с. 57–58].

В других бывших фабричных поселках текстильного края выделяются сложные из красного кирпича четырех- или пяти-

этажные дома дореволюционных казарм. Большинство из них являются памятниками архитектуры и включены в соответствующий областной свод. Эти поселки – Середка, Вичуга, Наволоки, Каменка и другие промышленные центры современной Ивановской области. Чаще всего хозяева предоставляли рабочим такое жилье бесплатно. Строительство казарм было важным показателем формирования фабричных поселков на основе сел, так как сразу возрастала численность жителей, постоянно проживавших в населенном пункте и занятых фабричным трудом. Этот процесс начался в последние два десятилетия XIX века.

В селе Бонячки фабриканты Коноваловы решили не ограничиваться устройством казарм для рабочих. В версте от фабрики они выделили специально распланированную территорию и в течение нескольких лет построили здесь более 100 домов, которые охотно брали в аренду семьи местных рабочих. Арендная плата была невысокой, в состав ее входила страховка и погашение стоимости здания, чтобы через 12 лет оно перешло в собственность арендатора.

Дома в поселке не были однотипными. Самые большие достигали размера 9 на 10 аршин (аршин – 71 см), одни были крыты железом, а другие – дранкой. Кроме неизменной кухни, в домах было две или три комнаты. Даже наличники на окнах разных домов различались по орнаменту. В каждой избе обязательно имелись сени, чулан и туалет. Самые большие и благоустроенные жилища стоили 1200 руб., а те, что попроще, – 750 руб. Около каждого дома имелся участок площадью в 120 кв. саженей (кв. сажень – 4,55 кв. м), на нем арендаторы устраивали сад и огород. Деревья для озеленения участков бесплатно выдавались в фабричном питомнике. Проектировщики не забыли и о противопожарной безопасности: в поселке на средства фабрики было устроено пожарное депо, в случае возгорания воду можно было взять из пруда, который располагался рядом с поселком. Последний назвали Сашино по имени последнего владельца фабрики – Александра Ивановича Коновалова [Товарищество мануфактур..., 1912, с. 62–63]. Значительная часть домов этого поселка до сих пор служит местным жителям. Правда, после революции улицы в нем получили названия в духе эпохи: Большая Пролетарская, Пролетарская, Малая Пролетарская. Новые топонимы должны были стереть память о том, что

поселок для пролетариата построен на средства фабриканта.

Кроме Сашино около фабрики Коноваловых вырос еще один поселок под названием Серезино. Дома в нем были гораздо комфортабельнее, чем те, которые предназначались для рабочих. И это не случайно, так как они строились для служащих конторы предприятия и медицинского персонала фабричной больницы. Особенно роскошно в этом поселке выглядели особняки для руководства фабрики [Товарищество мануфактур..., 1912, с. 63–64].

Аналогичный проект реализовывался на рубеже XIX и XX веков в Юже. В 1894 году «Товарищество мануфактур А. Я. Балина» отдало для индивидуальной застройки участок около фабрики площадью несколько десятин, предварительно распланированный на улицы. Рабочие, пользуясь льготами от предприятия, быстро застроили его, и в 1896 году по соседству отмежевали новый участок, который вскоре тоже был застроен. Это место назвали Новой Слободкой. Участки сдавались рабочим за символическую арендную плату – 2–3 руб. в год. На покупку строительных материалов рабочим на льготных условиях выдавались беспроцентные ссуды. За полтора десятилетия в Новой Слободке и окрестных деревнях Омелово, Нефедово, Реброво и других при помощи «Товарищества» был построен 421 дом [Пашков, 1911, с. 60–61]. Появление таких поселков с индивидуальными домами для рабочих – второй после строительства казарм маркер складывания фабричных поселков, так как численность постоянного рабочего населения продолжала увеличиваться. Одни жители пользовались арендованным жильем, другие – уже собственным.

Для снабжения рабочих товарами первой необходимости, прежде всего продуктами питания, предприниматели организовывали в фабричных поселках потребительские общества. На этом сюжете мы остановимся подробнее, поскольку до сих пор деятельности так называемых хозяйских кооперативов в научной литературе уделялось мало внимания.

Инициаторами создания этих общественных организаций являлись либо сами фабриканты, либо высшие служащие. Членство в них было добровольным, обычно в такой кооператив входило меньшинство трудившихся на фабрике, при которой он функционировал. Желавшие примкнуть к нему работники вносили в его кассу денежный пай, размер которого

обычно составлял 10 руб. Когда учредителям удавалось собрать сумму в несколько сотен рублей, на них закупали товары первой необходимости, нанимали приказчика и начинали торговлю. Помещение для лавки обычно предоставлял фабрикант.

Первым фабричным кооперативом в текстильном крае стало организованное в 1892 году потребительское общество при предприятии Ясюнинских в селе Кохма Шуйского уезда [Устав..., 1911, с. 1]. Мы анализируем особенности функционирования хозяйских кооперативов в основном на примере этой организации, хотя будет привлекаться фактический материал и по другим потребительским обществам. В целом в текстильном крае в период с 1892 года до Февральской революции 1917 года было создано 16 таких хозяйских обществ, существовавших, как было четко прописано в их уставах, «при фабриках» [Рабочие потребительские кооперативы..., 1990, с. 301, 303–305, 307–309, 312–313, 315–317, 319, 321–322]. На рубеже XIX–XX веков их были считанные единицы, большинство же были основаны накануне или во время Первой мировой войны из-за продовольственных трудностей. По крайней мере половина их функционировала в промышленном Кинешемском уезде. Здесь было особенно много крупных фабрик, располагавшихся в сельской местности, и вокруг них сформировались многолюдные промышленные поселки.

Количество членов этих организаций было внушительно. Дело обычно начинали всего с десятками пайщиков, а ближе к революции 1917 года некоторые кооперативы насчитывали в своих рядах уже тысячи рабочих и служащих. В потребительском обществе в Кохмe в 1897 году числились 523 человека, в 1901 году – 1103, а в начале 1915 года – 3130. [Рабочие потребительские кооперативы..., 1990, с. 50].

Есть достаточно представительные данные об ассортименте товаров в нескольких кооперативах. В лавках потребительских обществ покупатели всегда могли найти такие продукты, как мука, разные крупы, сельдь, картофель и другие овощи, чай, сахар, соль. Большинство кооперативов торговало преимущественно продуктами питания, но имелись здесь и некоторые промышленные товары – иголки, нитки, свечи и т.п. Снабжение в фабричных поселках было заметно хуже, чем в городах, поэтому в ряде случаев по просьбе пайщиков здесь продавались также ситец и сукно, готовая одежда и обувь, галантерейные товары. Снабжение людей недо-

рогими продуктами первой необходимости стало особенно важным в годы Первой мировой войны, когда из продажи стали исчезать самые необходимые товары. Появление на фабриках потребительских обществ в немалой степени способствовало постепенному затуханию такого элемента традиционной жизни, как сельские ярмарки.

Рабочие охотно покупали товары в этих лавках, потому что цены здесь были хотя и не намного, но все же ниже, чем у окрестных лавочников. Экономия на покупках 1–2 руб. в месяц была существенной для бюджета рабочего. Все покупки записывались в специальной заборной книжке. Еще одной важной приманкой для рабочих и служащих, кроме пониженных цен, была возможность получить в конце года некоторую прибыль. Потребительские общества были не благотворительными, а коммерческими организациями, поэтому, когда в конце финансового года подводились итоги, то они, как правило, предполагали некоторый дивиденд. Одна его часть использовалась для дальнейшего расширения торговли, а другая раздавалась на руки тем покупателям, которые были пайщиками этих организаций (имели право покупать в общественных магазинах и не пайщики). Сумма, выдававшаяся отдельно взятому кооператору наличными деньгами, зависела от суммы его покупок в коллективной лавке. Например, членом фабричного потребительского общества в Наволоках по итогам 1914–1915 коммерческого года было выдано 6682 руб. Наиболее активные покупатели, которые почти все нужные им товары брали в кооперативной лавке, могли в конце года рассчитывать на выдачу 5, а то и 10 руб. наличными [Общество потребителей..., 1916, с. 47].

Большинство фабричных кооперативов год от года наращивали свои торговые операции. Об этом наглядно свидетельствует динамика коммерческих оборотов общества потребителей при Волжской мануфактуре в селе Наволоки. В первый год своей работы (1906–1907) оно наторговало на 190 тыс. руб., в 1912–1913 коммерческом году – 252 тыс. руб., в 1914–1915-м – 314 тыс. руб., 1915–1916-м – 544 тыс. руб. [Общество потребителей..., 1916, Приложение].

Еще раз подчеркнем, что эти организации, будучи созданы фабрикантами, зависели от них. Не следует их идеализировать и воспринимать как зримые ростки гражданского общества в провинции, ведь они не были самоуправляемыми и действовали не совсем самостоятельно. Пред-

приниматели могли не входить в правления или ревизионные комиссии этих организаций лично, но имели возможность контролировать деятельность этих структур через высших служащих – директоров или управляющих, которые обязательно избирались в правления. Например, в руководящий орган кооператива в Кохме на протяжении двух десятилетий входили хозяева фабрики Н.А., В.А. и И.А. Ясюнинские. В годы Первой мировой войны в руководстве организации их уже не было, но это не означало, что кооператив перестал от них зависеть [Владимирские губернские ведомости, 1902; 1908; 1914; Отчет..., 1913, с. 57].

Зависимость кооперативов от хозяев носила не только личный, но и финансово-экономический характер. В Кохме местный кооператив пользовался складами «Товарищества мануфактур Ясюнинских», эта фирма щедро кредитовала потребительское общество на льготных условиях [Отчет..., 1913, с. 7]. По мере необходимости предприниматели использовали экономическую зависимость этих потребительских обществ в своих целях. Весной-летом 1914 года в южной части Костромской губернии происходила массовая стачка, охватившая десятки тысяч рабочих. При этом фабричный кооператив в Наволоках некоторое время продолжал продавать бастовавшим рабочим продукты, в том числе в кредит, таким образом способствуя продолжению этой и так затянувшейся забастовки. В ответ на это «Товарищество Волжской мануфактуры» прекратило кредитование этого потребительского общества, поэтому вскоре оно прекратило торговлю, что значительно ухудшило положение бастовавших рабочих. Через некоторое время стачка закончилась [Отчет..., 1915, с. 3].

Для фабрикантов очень важно было позаботиться о медицинском обслуживании местных жителей, так как больницы в сельской местности было очень немногих, уездные земства не могли открывать их в каждой волости. В Вязниковском уезде эта проблема была особенно актуальной именно для Южи с ее фабричным населением, так как фабричный труд был сопряжен с целым рядом профессиональных заболеваний, преждевременно уносивших людей в могилу. Отметим, что на рубеже XIX и XX веков средняя продолжительность жизни в России по официальным данным составляла 32,3 года (31,3 года для мужчин и 33,4 года для женщин). В Англии в тот же период аналогичный

показатель достигал 46 лет, во Франции – 47,4 года, в Швеции – 52 года [Ульянова, 2002, с. 625].

Балины построили на свои средства целый больничный комплекс, состоявший из одноэтажного главного каменного корпуса, к которому примыкали вспомогательные бревенчатые здания. В течение 1909 года в фабричной амбулатории было принято 52 379 человек. В стационаре, в том числе в заразном бараке (инфекционное отделение), в том же году прошли лечение 996 человек. В больнице была своя операционная, в которой делали такие сложные операции, как трепанация черепа, ампутации конечностей, грыжесечение и др. Оказание медицинской помощи было бесплатным не только для рабочих и служащих фабрики, но и для жителей окрестных сел и деревень [Пашков, 1911, с. 67].

Отметим, что аналогичные медицинские учреждения, построенные на средства местных предпринимателей, работали в большинстве фабричных поселков. Особенно впечатляюще выглядела медицинская программа, реализованная А. И. Коноваловым в фабричном поселке Бонячки. В 1912 году при фабрике в ознаменование 100-летнего юбилея существования фирмы Коноваловых была открыта новая больница, которая по своим размерам и оснащению могла бы стать гордостью не только уездного, но и губернского города. Первым, что бросалось в глаза приезжему человеку в Бонячках, был даже не массивный корпус фабрики, а совершенно уникальный для сельской местности архитектурный ансамбль больницы, выдержанный в стиле неоклассицизма. Проектировал его специально приглашенный московский архитектор В. Д. Адамович. Здания были украшены портиками с колоннами и окрашены в белый и желтый – сочетание цветов, характерное для классицизма и ампира. Не случайно сейчас город Вичугу, в состав которого вошли Бонячки, называют «городом белых колонн». Архитектурный ансамбль симметричен, в центре находится здание самой больницы, а по бокам от нее – родильный приют и жилой дом для врачей. Здесь также есть ясли, построенные в том же стиле неоклассицизма. Больница была рассчитана на 100 коек, в ней было терапевтическое и хирургическое отделения на 16 палат, а также аптека. В подвале этого здания размещались котельная, прачечная и дезинфекционные камеры (паровая и формалиновая). В них обеззараживалось белье инфекционных больных. Действовавший

при фабрике родильный приют был рассчитан на 25 коек [Товарищество мануфактур..., 1912, с. 71–74].

Нужно оговориться, что не все фабриканты проявляли такую же заботу о здоровье своих рабочих. Например, в фабричном поселке Лежнево местный текстильный предприниматель Кокушкин считал, что эти проблемы должен решать не он, а земство, поэтому первая больница в Лежневе была построена не предпринимателем, а стараниями местного самоуправления, финансировало ее тоже в основном Ковровское уездное земство [Балдин, Монякова, 2016, с. 221, 223].

В Юже наряду с больницей Балин основал еще одно социальное учреждение – богадельню. Она располагалась в одном здании с фабричной церковью и принимала на полное обеспечение «отставных» рабочих и служащих предприятия. В 1910 году здесь на всем готовом доживали свою жизнь 15 стариков и 15 старух [Пашков, 1911, с. 74]. Беда была в том, что это заведение было очень скромным по своим возможностям, и в него попадали десятки рабочих, в то время как сотни состарившихся и неспособных к труду доживали свой век на попечении у родственников или же кормились Христовым именем. Подобные социальные учреждения работали и в некоторых других фабричных поселках. В Кохме дом для неспособных к труду стариков был построен в 1884 году на средства местного предпринимателя Г. И. Безенова. В Лежневе о сырых и убогих позаботились опять-таки не местные богатые фабриканты Кокушкины, а московский купец Прохоров, который еще в 1860-х годах построил двухэтажное каменное здание богадельни, выдержанное в стиле позднего классицизма [Бачев, 2008, с. 16].

В советский период в исторической литературе было широко распространено убеждение, что фабриканты совершенно не думали о просвещении рабочих и расширении их кругозора. Однако большинство предпринимателей в той или иной форме финансировали образовательные учреждения в обсуждаемых здесь фабричных поселках.

В 1913 году для юных жителей Южи было заложено трехэтажное каменное здание училища, строительство которого завершили к началу 1915–1916 учебного года. Здесь разместилось высшее начальное училище, в котором помимо русского языка, арифметики и Закона Божия, как в других начальных школах, преподавались ис-

тория, география, естествознание и другие предметы. Вместе с корпусами фабрики здание школы стало одной из архитектурных доминант фабричного поселка и для сельской местности выглядело просто роскошно. Оно до сих пор используется по прямому назначению: здесь расположена школа № 3 города Южи [Свод памятников..., 2000, с. 633–634].

Школы строили и другие предприниматели текстильного края. В поселке Середа фабриканты Горбуновы на свои средства построили превосходное училище. Двухэтажное здание из красного кирпича вмещало в себя несколько просторных классов, и в 1912 году здесь учились 407 подростков и работали 9 учителей. В настоящее время в нем находится школа № 8 города Фурманова [Петров, 1995, с. 21].

В фабричном поселке Писцово на средства «Товарищества мануфактур И. И. Скворцова» открылось четырехклассное училище. В нем преподавались такие предметы, как Закон Божий, церковнославянский и русский языки, арифметика, геометрия, физика, география, естествознание, черчение, рисование. Со временем к ним добавили немецкий язык и бухгалтерию, что придало учебному плану некоторый профессиональный уклон. «Товарищество» выделяло денежные средства для познавательных экскурсий школьников из Писцова в Москву и Сергиев Посад [Товарищество мануфактур..., 1913, с. 102].

В советской историографии утверждалось, что предпринимателям было выгодно, чтобы рабочие проводили время в пьяном разгуле и азартных играх. Однако результаты деятельности промышленников текстильного края опровергают этот долго бытовавший стереотип. Пьяный или похмельный рабочий по определению не мог быть хорошим работником. Производительность и качество его труда были ниже, чем у грамотного и трезвого. Поэтому даже с позиций разумного эгоизма фабрикантам следовало заботиться о том, чтобы рабочие пили и гуляли как можно реже, так как следствием их загула обычно становился выпуск бракованной продукции, поломки машин и несчастные случаи на производстве.

Следует признать, что в фабричных поселках проблема организации разумного досуга стояла остро, так как оторвавшийся от деревенской семьи рабочий мог проводить свой досуг не только без пользы, но и во вред себе. Некоторые фабриканты пытались решить эту проблему путем организации народных домов – многофунк-

циональных досуговых центров. В Юже народный дом был построен в 1909–1910 годах. Здесь был большой зрительный зал со сценой, где ставил свои спектакли самодеятельный народный театр. Работала массовая библиотека, в книжном фонде которой была не только популярная литература, но и серьезные издания по разным отраслям знания [Пашков, 1911, с. 89–97, 111]. Характерно, что некоторые студенты из Южи, обучавшиеся в конце XX века в Ивановском государственном университете, свои курсовые и даже дипломные работы выполняли, пользуясь в основном фондом этого богатого книгохранилища.

Не менее впечатляюще выглядел открытый в 1903 году народный дом в селе Родники при фабрике Красильщиковых. Стоимость строительства этого здания составила 50 000 руб. Сначала народный дом в основном выполнял довольно скромную функцию чайной, хотя и большого размера. Со временем кроме чайной, обставленной венской мебелью и вмещавший около 400 человек, появился электросалон (кинематограф) с еженедельными сеансами. Здесь тоже была библиотека-читальня, где проходили чтения, в ходе которых через «волшебный фонарь» (диапроектор) демонстрировались «туманные картины» (слайды). Внутри помещения стены были украшены портретами царей, отечественных государственных деятелей и русских писателей, здесь же вывесили на всеобщее обозрение картины по истории и географические карты. Народный дом в Родниках стал точкой притяжения местных общественных структур: кооператива, общества пчеловодов, благотворительного общества, театрального кружка и церковного хора. В его стенах они проводили свои собрания. За десять лет (1903–1913) только на содержание народного дома «Товарищество мануфактур А. Красильщиковой» потратило 9896 руб., а на жалованье его персоналу – 15 848 руб. [Культурно-просветительная деятельность..., 1913, с. 36, 39, 52].

Самым эффектным образчиком народного дома для рабочих стал настоящий дворец культуры, который предоставил в распоряжение текстильщиков А. И. Коновалов в Бонячках. Этот досуговый центр был возведен в 1914–1915 годах по проекту нижегородского архитектора П. П. Малиновского, а достраивал его уже в 1920-х годах выдающийся архитектор В. А. Веснин, уроженец города Юрьевца Костромской губернии. Здание, отличающееся монумент-

тальностью, выдержано в стиле неоклассицизма и украшено античным фронтоном на шести колоннах. Внутри оно разделено на две части – театральную и клубную. Зрительный зал рассчитан на 1500 мест, кроме того, в здании были предусмотрены зал для собраний и спортивный зал, помещения библиотеки с читальным залом и комнаты для кружковых занятий [Свод памятников..., 2000, с. 112–114].

Таким образом, в фабричных поселках постепенно распространялись урбанистические формы проведения досуга. Широкие слои населения – от фабрикантов до рабочих – охватило увлечение театром. Первые, но уверенные шаги делал «великий немой»: кинематограф со временем стал еще более массовым искусством, чем театр. Новые формы проведения досуга сосредоточивались в народных домах, которые имелись не во всех фабричных поселках. В то же время продолжала бытовать традиционная праздничная культура посиделок, хороводов и довольно примитивных ярмарочных развлечений.

В числе созданных фабрикантами досуговых возможностей следует упомянуть и парк, разбитый Балиными в Юже для рабочих и служащих фабрики. Фактически это был благоустроенный участок соснового леса с распланированными аллеями. К слову, парки, созданные тогда специально для рабочих и служащих, представляли собой довольно редкое явление не только в текстильном крае.

Под покровительством фабрикантов Балиных в Юже была основана одна из первых в России детских экологических организаций под названием «Майский союз». В его уставе, утвержденном в 1907 году, говорилось, что целью этого общества является охрана птиц, а его членами на добровольной основе могут стать дети и подростки в возрасте от 7 до 15 лет. Были прописаны правила членства в обществе и перечислены заповеди для юных защитников братьев наших меньших. При вступлении в союз дети давали торжественное обещание не разорять гнезд, заботиться о птицах и других животных. Нарушивших клятву сначала предупреждали, а потом исключали из организации.

Денежные средства для развития деятельности союза отпустило правление «Товарищества». Под руководством педагогов для членов «Майского союза» проводились познавательные экскурсии в леса, поля или луга. В ходе «естественно-исторических» бесед дети знакомились с устройством гнезд и привычками разных птиц,

узнавали, почему те вынуждены на время расставаться со своей родиной. Благодаря работе педагогов и библиотекарей дети стали больше интересоваться художественной литературой о животных.

Гимн для «Майского союза» из Южи написала известная писательница начала XX века Лидия Чарская.

Будем же, дети, защитой,
оплотом
Тварям безгласным, крылатым
певцам,
Мошкам, букашкам, невинным
животным,
Пчелкам мохнатым, лягушкам,
жукам.
Рыцарей некогда много
прекрасных
Шло на защиту вдов и сирот,
Так на защиту всех тварей
безгласных
Выступим смело вперед!
[Пашков, 1911, с. 106–107]

В имперской России представители разных сословий исполняли разные, совершенно определенные роли и относительно каждого сословия в обществе были определенные ожидания. В глазах общественности крестьянин, естественно, являлся тружеником, кормившим страну, представитель мещанства – умелым ремесленником, который при необходимости мог даже блоху подкопать, священник – добрым пастырем, окормлявшим верующих, дворянин – защитником, храбро сражавшимся с врагами Отечества. Купцу (в период модернизации превратившегося в российского буржуа) тоже соответствовали определенные ожидания: предполагалось, что он будет играть роль щедрого благотворителя и мецената, жертвующего на строительство храма, на помощь больным, сирым и убогим, на нужды школы или иного культурно-просветительного заведения.

Со временем на рубеже XIX–XX веков у деловых людей возникало осознанное желание заняться не только предпринимательской, но и общественной деятельностью. Идти в политику (в отличие от Англии или Франции) в России было возможно, но все же опасно: среди промышленников текстильного края на это решился лишь А. И. Коновалов, получивший благодаря этому всероссийскую известность. Он стал членом IV Государственной думы и одним из лидеров партии прогрессистов в ней, а в 1917 году

занимал пост министра торговли и промышленности во Временном правительстве. Абсолютное большинство предпринимателей, проявивших интерес к общественной деятельности, ограничивались работой в органах местного самоуправления (городские думы и земства), а также социально-культурной деятельностью в том поселке, в котором находилась их фабрика. Они создавали здесь социальные, просветительные, досуговые структуры и даже общественные организации, о которых шла речь выше. Благодаря этому они получали известность в масштабах уезда или губернии.

В определенных кругах российской общественности – особенно в тех, которые были более или менее близки к народничеству или славянофильству, – репутация российской буржуазии была скорее негативной. К этому классу легко прилипали ярлыки, сначала русские – «аршинник», «барышник», а потом и иноязычного происхождения – «эксплуататор», «буржуй» и др. Социально-культурная деятельность промышленников была очень важна для улучшения их репутации и служила средством самопрезентации. В значительной степени благодаря такой общественной деятельности российская буржуазия постепенно превращалась из класса в себе в класс для себя.

Нельзя не обратить внимание на мотивацию предпринимателей, которые вкладывали в вышеназванные учреждения десятки и сотни тысяч рублей из получаемых прибылей. С одной стороны, одним из мотивов было облегчение тяжелых условий быта рабочих. Многие фабриканты в первом и втором поколениях прекрасно понимали, что это необходимо, так как с условиями труда и быта рабочих были знакомы не понаслышке. Таким образом, в социокультурной деятельности фабрикантов отчетливо просматривается патерналистская модель отношений работодателя и работника. С другой стороны, не стоит чересчур идеализировать человеколюбивые мотивы, поскольку в менталитете одного и того же фабриканта они успешно соседствовали с побуждениями, которые можно характеризовать как разумно-эгоистические. Предприниматели понимали, что грамотный, здоровый, хорошо отдохнувший и набравшийся духовных впечатлений рабочий будет работать гораздо лучше, чем уставший, темный, озлобленный на хозяина и на весь окружающий мир пролетарий. В связи с этим очень субъективной представляется позиция некоторых авторов

работ о дореволюционных предпринимателях, изображающих этих людей бескорыстными филантропами.

В городах развитием народного образования и здравоохранения, благоустройством территории и другими проблемами занимались местные органы самоуправления. Для финансирования этих «городских нужд и польз» существовали свои статьи в расходных частях городских бюджетов. Совершенно по-другому обстояло дело в фабричных поселках, которые по численности населения превосходили некоторые города. Городских дум и управ здесь не было, а у земств, занимавшихся социально-культурными проблемами в сельской местности, средств для облагораживания фабричных поселков явно не хватало. Поэтому фабриканту приходилось все или почти все перечисленные проблемы брать на себя. Для своего поселка он являлся и «поселковым головой», и думой и управой, взятыми вместе.

Следует констатировать, что фабриканты заботились о благоустройстве поселков. Никому из них не приходило в голову устраивать здесь водопровод или канализацию, но они заботились о пожарной охране, озеленении и даже об устройстве парковых зон. Они же отпускали немалые средства на то, что не делала ни одна городская дума, по крайней мере, во Владимирской и Костромской губерниях – жилищное строительство для своих рабочих. Промышленники занимались и другими сторонами социального благоустройства фабричных поселков: строили больницы – некоторые из них сделали бы честь любому городу – и устраивали богадельни для нетрудоспособных рабочих и служащих.

Также на средства фабрикантов в поселках открывались как начальные народные, так и высшие начальные училища с более широкой программой и профессиональным уклоном. Гимназии или реальные училища здесь не появились, но, как свидетельствовали некоторые современники, деловые люди всерьез думали о том, чтобы создать в фабричных поселках такие учебные заведения среднего звена. В досуговой сфере некоторые фабричные поселки даже опережали города. В Бонячках, Родниках, Юже на средства фабрикантов были построены народные дома – досуговые центры с библиотеками, помещениями для занятий кружков и зрительными залами, на сценах которых местные театральные коллективы давали представления.

После революции 1917 года справедливость была в какой-то степени восстановлена: бывшие села, постепенно превращавшиеся в города, наконец обрели этот статус, на который они вербально или невербально претендовали. Произошло массовое (в полном смысле этого слова) преобразование этих населенных пунктов. В этом процессе, происходившем в текстильном крае в основном в первое десятилетие советской власти, присутствовал и политический подтекст. Рабочие фабричных поселков, активно участвовавшие в революционном движении 1905–1907 и 1917 годов, получили «вознаграждение», носившее, правда, нематериальный характер. Их фабричные поселки, реально являвшиеся до революции *протогородами*, получили от новой власти новый статус, о котором многие их жители если не мечтали, то по крайней мере размышляли еще до революции.

Уже в 1918 году, вскоре после революции, городами стали села Тейково, Родники и Середка, в 1925 году этот статус обрели Южа, Кохма. В том же 1925 году объединились в промышленные поселки Бонячки, Тезино и Гольчиха, все вместе получившие название Вичуги. В 1938 году городами стали Приволжск и Наволоки. Некоторые не столь крупные промышленные населенные пункты, возникшие вокруг текстильных фабрик, превратились из сел в поселки городского типа. В 1925 году ими стали наиболее крупные из них – Лежнево и Писцово. Для остальных эта трансформация произошла уже в годы третьей пятилетки: в 1938 году статус поселка городского типа получили Старая Вичуга и Дуляпино, в 1939 году – Каменка, а в 1941 году – Колобово [Администрация Ивановской области, 2001, с. 46–47]. Дальнейшая история таких моногородов, которые долгое время развивались вокруг одной крупной текстильной фабрики, а ныне оказались в очень непростом положении, – предмет уже другого самостоятельного исследования.

Источники

- Администрация Ивановской области (2001) Ивановская область: Административно-территориальное деление по состоянию на 1 января 2001 г. Иваново.
- Балдин К. Е., Монахова О. А. (2016) Ковровское уездное земство (1861–1918). Ковров-Шуя: «ПолиЦентр».
- Бачев И. И. (2008) Край моих отцов. Иваново.
- Владимирские губернские ведомости (1902) № 12.
- Владимирские губернские ведомости (1908) № 17.
- Владимирские губернские ведомости (1914) № 16.

- Езиоранский Л. К. (1914) Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию). Петроград: Типография т-ва под фирмой «Электротипография Н. Я. Стойковой».
- Культурно-просветительная деятельность в Родниковском промышленном районе. Товарищество мануфактур Анны Красильщиковой с сыновьями в с. Родниках, Юрьевоцкого уезда Костромской губернии (1913) Москва.
- Ленин В. И. (1971) Развитие капитализма в России // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 3. М.: Политиздат.
- Общество потребителей при фабрике Товарищества Волжской мануфактуры в с. Наволоки Кинешемского уезда Костромской губернии. Отчет за 10-й операционный год с 22 марта 1915 г. по 9 апреля 1916 г. (1916) Кинешма.
- Отчет за 9-й операционный год с 6 апреля 1914 г. по 21 марта 1915 г. правления общества потребителей при фабрике Товарищества Волжской мануфактуры в с. Наволоках (1915) Кинешма.
- Отчет общества потребителей при фабрике Товарищества мануфактур В., Е. и А. Ясюнинских в с. Кохма за 1912 г. (1913) Владимир.
- Пашков Я. М. (1911) Товарищество мануфактур А. Я. Балина. Историко-статистический очерк. В память 25-летия учреждения Товарищества. Москва.
- Петров А. В. (1995) Середская земля. Иваново: Полиформ.
- Рабочие потребительские кооперативы в России. 1961–февраль 1917 г. Перечень организаций (1990) М.: Институт истории СССР АН СССР. Россия. Энциклопедический словарь (1991) Л.: Лениздат.
- Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область. Ч. 3. (2000) М.: Наука.
- Софронов В. Д. (2012) Родники истории. Иваново: Листос.
- Таланова О. Ю. (1998) Жилищные условия фабрично-заводских поселков Владимирской губернии // Материалы краеведческой конференции. Владимир. С. 112–119.
- Таланова О. Ю. (1997) Фабрично-заводские поселки Владимирской губернии конца XIX–начала XX в. // Рождественский сборник. Вып. IV. Ковров. С. 93–98.
- Товарищество мануфактур Ивана Коновалова с сыном. 1812–1912. Краткий исторический очерк (1912). Москва: Типолитография братьев Менерт.
- Товарищество мануфактур, основанных И. И. Скворцовым (1913) Москва.
- Ульянова Г. Н. (2002) Россия в начале XX века. М.: Новый Хронограф.
- Устав общества потребителей при фабрике В., Е. и А. Ясюнинских в с. Кохмее Владимирской губернии Шуйского уезда (1911) Владимир.

**THE SOCIAL AND CULTURAL
INFRASTRUCTURE OF THE
INDUSTRIAL VILLAGES OF
VLADIMIR AND KOSTROMA
PROVINCES**

Kirill E. Baldin, DSc in History,
Professor of Ivanovo State University;
4 Gagarin Street, Ivanovo,
152025, Russian Federation.
E-mail: kebalдин@mail.ru

Abstract. This article examines the development of factory settlements in Vladimir and Kostroma provinces, which gradually transformed these settlements from patriarchal villages to towns. The settlements (Rodniki, Kohma, Bonyachki, Sereda, Yuzha) had larger populations than some cities in the region. The economic life of the settlements was concentrated around a textile factory. The owners of these enterprises were not only engaged in business activities; most of them understood their responsibility for the working and living conditions of their employees, and therefore they spent considerable resources on the development of social and cultural infrastructure in these settlements, including housing, hospitals, nursing homes, educational institutions, and leisure facilities. In the late 19th and early 20th centuries the former villages actually turned into *proto-towns*, which were given the status of towns soon after the revolution of 1917. The author proves that in the factory settlements during the period under study there were many institutions and services which were attributes of urban settlements. He also dwells on the motivations of entrepreneurs to engage in social and cultural activities and concludes that they were led by considerations of paternalism (i.e. the concern of the "older" about the "younger") and reasonable selfishness (i.e. healthy, sober, competent and rested workers bring much more benefit to the owner of the factory than sick, tired and embittered ones).

Keywords: factory settlements; Russian entrepreneurs; Russian proletariat; living conditions of workers; forms of leisure activities in pre-revolutionary Russia; social policy of the bourgeoisie; motivation of social activities

Citation: Baldin K. (2021) Social and Cultural Infrastructure of the Industrial Villages of Vladimir and Kostroma Provinces. *Urban Studies and Practices*, vol. 6, no 1, pp. 23–36.

(in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp61202123-36>

References

- Bachev I.I. (2008) *Krai moikh ottsov* [Land of My Fathers]. Ivanovo. (in Russian)
- Baldin K.E., Monyakova O.A. *Kovrovskoe uezdnoe zemstvo (1861–1918)* [Kovrov-Shuya: Zemstvo of Kovrov District (1861–1918)]. Kovrov-Shuya: «PoliSentr». (in Russian)
- Ezioransky L.K. (1914) *Fabrichno-zavodskie predpriyatiya Rossiiskoi imperii (isklyuchaya Finlyandiuyu)* [Factory Enterprises of the Russian Empire (Excluding Finland)]. Petrograd: Tipograficheskaya firma «Elektrotipografiya N.Ya.Stoikovoi» [Petrograd: Electrotypography N.Y.Stanovoy]. (in Russian)
- Ivanovskaya oblast': Administrativno-territorial'noe delenie po sostoyaniyu na 1 yanvarya 2001 g. [Ivanovo Region: Administrative and Territorial Division on January 1, 2001]. Ivanovo: Administratsiya Ivanovskoi oblasti [Ivanovo Regional Administration]. (in Russian)
- Kul'turno-prosvetitel'naya deyatelnost' v Rodnikovskom promyshlennom raione. Tovarishchestvo manufaktur Anny Krasil'shchikovoi s synov'yami v s. Rodnikakh Yur'evetskom uезде Kostromskoi gubernii (1913) [Cultural and Educational Activities in Rodniki Industrial District. Anna Kraslyshchikova's and Sons Company in Rodniki, Yuryevets District, Kostroma Province]. Moskva. (in Russian)
- Lenin V. (1971) *Razvitie kapitalizma v Rossii* [Development of Capitalism in Russia]. *Poln. sobr. soch.* T. 3. [Complete Works. Vol. 3.]. Moskva: Politizdat [Moscow: Politizdat]. (in Russian)
- Obshchestvo potrebitel'ei pri fabrike Tovarishchestva Volzhskoi manufaktury v s. Navoloki Kineshenskogo uезда Kostromskoi gubernii. Otchet za 10-i operatsionnyi god s 22 marta 1915 g. po 9 aprelya 1916 g. (1916) [The Society of Consumers at the Volga Factory in Navoloki, Kineshma District, Kostroma Province. Report for the 10th Operating Year from March 22, 1915 to April 9, 1916]. Kineshma. (in Russian)
- Otchet obshchestva potrebitel'ei pri fabrikakh Tovarishchestva manufaktury V., E. i A.Yasuninskikh v s. Kokhma za 1912 g. (1913) [The Report of the Society of Consumers at the Factories of V., E. and A.Yasuninsky's Company in Kohma in 1912]. Vladimir. (in Russian)
- Otchet za 9-i operatsionnyi god s 6 aprelya 1914 g. po 21 marta 1915 g. pravleniya obshchestva potrebitel'ei pri fabrike Tovarishchestva Volzhskoi manufaktury v s. Navolokakh (1915) [The Report for the 9th Operating Year from April 6, 1914 to March 21, 1915 by the Board of the Society of Consumers at the Volga Factory in Navoloki]. Kineshma. (in Russian)
- Pashkov J.M. (1911) *Tovarishchestvo manufaktur A.Ya.Balina. Istoriko-statisticheskii ocherk. V pamyat' 25-letiya uchrezhdeniya Tovarishchestva* [Factory Partnership of A.Y.Balin. Historical and Statistical Essay. In memory of the 25th Anniversary of the Partnership]. Moskva. (in Russian)
- Petrov A.V. (1995) *Seredskaya zemlya* [Sereda Land]. Ivanovo: Polinform. (in Russian)
- Rabochie potrebitel'skie kooperativy v Rossii. 1961–fevral' 1917 g. Perechen' organizatsii (1990) [Workers Societies of Consumers in Russia. 1861–February 1917. List of organizations]. Moskva: Institut istorii SSSR AN SSSR [Moscow: Institute of History of the USSR]. (in Russian)
- Rossiia. Entsiklopedicheskii slovar' (1991) [Russia. An encyclopedic dictionary]. L.: Lenizdat.
- Sofronov V.D. (2012) *Rodniki istorii* [Springs of History]. Ivanovo: Listos. (in Russian)
- Svod pamyatnikov arkhitektury i monumental'nogo iskusstva Rossii. Ivanovskaya oblast'. Ch. 3. (2000) [The Set of monuments of architecture and monumental art of Russia. Ivanovo region. Vol. 3.] Moskva: Nauka [Publishing House Nauka]. (in Russian)
- Talanova O. (1997) *Yu.Fabrichno-zavodskie poselki Vladimirskoi gubernii kontsa XIX–nachala XX v.* [Factory settlements of Vladimir province in late 19th and early 20th centuries]. *Rozhdestvenskii sbornik. Vyp. IV* [Christmas Miscellany. Vol. IV]. Kovrov, pp. 93–98. (in Russian)
- Talanova O. (1998) *Yu.Zhilishchnye usloviya fabrichno-zavodskikh poselkov Vladimirskoi gubernii* [Housing conditions in the factory settlements of Vladimir province]. *Materialy kraevedcheskoi konferentsii* [Materials of the Local History Conference]. Vladimir, pp. 112–119. (in Russian)
- Tovarishchestvo manufaktur, osnovannykh I.I.Skvortsovym (1913) [The Manufactory Partnership, Founded

- by I. I. Skvortsov]. Moskva. (in Russian)
- Tovarishchestvo manufaktur Ivana Konovalova s synom. 1812–1912. Kratkii istoricheskii ocherk (1912) [The Manufactory Partnership of Ivan Konovalov. 1812–1912. A Brief Historical Essay]. Moskva: Tipolitografiya brat'ev Menert [Moscow: Lithographic Printing House of the Brothers Menert]. (in Russian)
- Ulyanova G.N. (2002) Rossiya v nachale XX veka [Russia in the Early 20th Century]. Moskva: Novyi Khronograf [Moscow: New Chronograph Publishing House]. (in Russian)
- Ustav obshchestva potrebitelei pri fabrike V., E. i A. Yasyuninskikh v s. Kokhme Vladimirskoi gubernii Shuiskogo uezda (1911) [The Rules of the Society of Consumers at the Factory of V., E. and A. Yasyuninsky in Kohma, Vladimir Province, Shuya District]. Vladimir. (in Russian)
- Vladimirskie gubernskie vedomosti (1902) [Vladimir's Provincial Vedomosti], no 12. (in Russian)
- Vladimirskie gubernskie vedomosti (1908) [Vladimir's Provincial Vedomosti], no 17. (in Russian)
- Vladimirskie gubernskie vedomosti (1914) [Vladimir's Provincial Vedomosti], no 16. (in Russian)